

HISTORIA
ROSSICA

Tatsiana Astrouskaya

Cultural Dissent
in
Soviet Belarus

1968–1988

INTELLIGENTSIA, SAMIZDAT
AND NONCONFORMIST
DISCOURSES

Harrassowitz Verlag

2019

Татьяна Островская

Культура
и
сопротивление

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ,
ИНАКОМЫСЛИЕ И САМИЗДАТ
В СОВЕТСКОЙ БЕЛАРУСИ
1968–1988

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

2025

УДК [323.22:008](476)»1968/1988»

ББК 63.3(2)633 4-72

О-78

**Редакционная коллегия серии
HISTORIA ROSSICA**

*С. Абашин, Е. Анисимов, О. Будницкий, А. Зорин, А. Каменский,
Б. Колоницкий, А. Миллер, Е. Правилова, Ю. Слёзкин, Р. Уортман*

Редактор серии *И. Мартынюк*

Островская, Т.

О-78 Культура и сопротивление: Интеллигенция, инакомыслие и самиздат в советской Беларуси (1968–1988) / Татьяна Островская; пер. с англ. Р. Ибатуллина; науч. ред. О. Романова. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — 392 с.: ил. (Серия Historia Rossica)

ISBN 978-5-4448-2682-9

Книга Татьяны Островской посвящена диссидентским идеям и дискурсам, которые циркулировали в среде белорусской советской интеллигенции — как в самиздате и неподцензурных зарубежных публикациях, так и в официально издаваемой литературе, имевшей не меньшее значение для передачи неконвенциональных образов культуры и идентичности. Охватывая широкий спектр интеллектуальных дискурсов, автор акцентирует внимание прежде всего на феномене и практиках нонконформизма и культурного инакомыслия, а не на собственно политических формах сопротивления. Идейное наследие и деятельность белорусских интеллектуалов впервые в историографии рассматриваются в наднациональной перспективе: Т. Островская прослеживает их связи как с русской и украинской интеллигенцией, так и с белорусским эмигрантским сообществом. Хронологические рамки исследования лежат между событиями, относившимися к Пражской весне и ее насильственному подавлению, изменившим представление советских интеллектуалов о себе и социалистическом строе, и 1988 годом, когда инакомыслие в Беларуси переросло в открытое политическое движение. Татьяна Островская — историк, PhD, научный сотрудник Гердеровского института в Марбурге, Германия.

УДК [323.22:008](476)»1968/1988»

ББК 63.3(2)633 4-72

На обложке: Поэт Анатолий Сыс (1959–2005) зачитывает на митинге имена репрессированных деятелей белорусской культуры (1 ноября 1987 года).

Tatsiana Astrouskaya. Cultural Dissent in Soviet Belarus

(1968–1988) Intelligentsia, Samizdat and Nonconformist Discourses

Licensed edition with permission from Otto Harrassowitz publishing company, Wiesbaden

© Otto Harrassowitz GmbH & Co. KG, Wiesbaden, 2019

© Р. Ибатуллин, перевод с английского, 2025

© Д. Черногаев, дизайн обложки, 2025

© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Сокращения	8
Благодарности	10
Введение	16
Тема и предмет исследования	16
Понятия и подход	28
Историография	36
Источники	49
Периодизация и структура	55
Транслитерация и орфография	59
Глава 1. Интеллигенция, официальная и неподцензурная печать: Предыстория	62
В тени Октябрьской революции	78
Печать в советской Беларуси	80
Интеллигенция в Западной Беларуси	85
Вторая мировая война	90
Глава 2. От Пражской весны до «Осени народов»: 1968–1988 годы . 95	
Итоги хрущевской оттепели	95
Жертвы и выжившие в ГУЛАГе	104
Под руководством героя-партизана	107
Новая послевоенная интеллигенция	114
Сворачивание оттепели	120
Реакции на Пражскую весну	125
Противоречивые 1970-е	134
Интеллигенция и религия	139
На пути к перестройке	147
«Виленский вопрос»	157
Интеллигенция и интеллектуалы	160
Глава 3. Портреты и дискурсы	164
Трудности определения	164
<i>Функционер на службе у диссидентов: Максим Танк</i>	165
<i>На пересечении культур: Валентин Тарас</i>	169
Сопrotивление индивидов	171
<i>В поисках правды: Василь Быков</i>	171
<i>Возвращение истории: Владимир Короткевич</i>	185
<i>Беспрютотная интеллигенция: Лариса Генюиш</i>	197
Неформальные молодежные объединения	206
«Майстроўня»	206
«Тутэйшыя»	208

Глава 4. Самиздат и тамиздат: практики и тексты	218
Долгая история самиздата	218
Самиздат: охват и география распространения	221
<i>Происхождение идей</i>	229
<i>Цензура и препоны</i>	233
<i>Технологии производства и распространения</i>	236
Идеи и тексты	241
<i>Вызов советской историографии: «По следам одного мифа»</i>	241
<i>Первая политическая программа: «Положение в Белоруси»</i>	251
<i>Критика писательского цеха: «Сказ о Лысой горе»</i>	257
Самиздатовские журналы 1970-х: <i>«Блакітны ліхтар», «Мілавіца», «Гутаркі»</i>	264
Самиздатовские журналы 1980-х: <i>«Люстра дзён»</i>	271
Тамиздат	275
<i>Восстание системного коммуниста: «Письмо русскому другу»</i>	275
<i>О роли языка в позднесоциалистическом обществе: философский трактат «Родной язык и морально-эстетический прогресс»</i>	279
Официальные издания периода перестройки	282
Глава 5. Интеллигенция и вызовы современности	290
Национализм и антисемитизм	290
Вызовы ядерного века	302
Заключение	310
Истоки инакомыслия	310
Беларусская интеллигенция: коллективный портрет на фоне эпохи	313
<i>Как возможно сопротивление?</i>	319
Перспективы	320
Неподцензурная печать и интеллигенция после 1988 года	322
Приложения	
Таблица 1. Публикации произведений белорусских авторов в журнале «Новый мир» в 1965–1972 годах	327
Таблица 2. Самиздатовская периодика, издававшаяся в БССР в 1968–1988 годах	330
Таблица 3. Непериодический самиздат в БССР в 1968–1988 годах	336
Таблица 4. Беларусский тамиздат в 1965–1988 годах	337
Таблица 5. Беларусская интеллигенция в 1968–1988 годах: происхождение, образование, награды	338
Диаграммы	349
Источники и библиография	352
Указатель имен	381

ВВЕДЕНИЕ

ТЕМА И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Беларусская Советская Социалистическая Республика (БССР) «считается республикой, где национальные чувства слабы, а русификация достигла наибольших успехов», — отмечал в разгар перестройки один из современников, комментатор Радио «Свобода»¹. Культурное развитие республики, а тем более альтернативные идеи и интеллектуальные дискуссии эпохи позднего социализма до сих пор привлекали мало внимания. В еще большей степени это относится к феномену неподцензурной издательской деятельности — так называемому «самиздату», который до сих пор редко ассоциировался с советской Беларусью.

Постсоветское политическое развитие страны и ее экономическая нестабильность часто отбрасывают тень на ее прежние демократические амбиции и интеллектуальные достижения. Установление популистского авторитарного режима в 1994 году зачастую объяснялось слабостью национальных чувств и недостатком демократических устремлений². Подобным образом краткосрочные попытки белорусского общества в период распада СССР и сразу после него обратиться к демократическому

¹ «Радио Свобода» включено Минюстом РФ в реестр иностранных агентов, Radio Free Europe / Radio Liberty (RFE/RL) признана нежелательной организацией на территории РФ.

² См., например: *Ioffe G. Understanding Belarus: Economy and Political Landscape // Europe-Asia Studies. 2004. Vol. 56. № 1. P. 112; Padzik P. Беларусь на фоне нациятворчых працесаў у грамадствах Цэнтральнай і Усходняй Еўропы // Беларускі гістарычны агляд. 2011. Т. 18. № 1–2. С. 121.* Рышард Радзик в этой работе считает, что белорусское национальное движение конца 1980-х — начала 1990-х годов по большому счету было попыткой копировать старые европейские образцы национальной мобилизации.

пути и несоветскому прошлому зачастую объяснялись как результат внешнего давления, а не изменений внутри самого общества¹.

Интеллектуальная оппозиция и культурное инакомыслие занимают важное место в истории Советского Союза, и Беларусь тоже нуждается в такой истории. Переосмысление практик культурного сопротивления в советской Беларуси необходимо само по себе, но оно также позволяет лучше понять политическое и культурное развитие страны в постсоциалистический период².

Несомненно, до 1987–1988 годов открытые протесты в среде белорусской интеллигенции случались нечасто, а количество публикаций в неподцензурном самиздате и заграничном тамиздате было не очень велико по сравнению с советской Россией, Польской Народной Республикой или Чехословакией. Но в послевоенной советской Беларуси жили и работали такие выдающиеся интеллектуалы, как Василь Быков (Василь Быкаў, 1924–2003)³, один из лучших военных прозаиков этого

¹ Rudling P.A. *The Rise and Fall of Belarusian Nationalism 1906–1931*. Pittsburgh: Pittsburgh University Press, 2015. P. 2, 31.

² В последнее время как общественное мнение, так и научное сообщество стали выступать против общепринятой прежде точки зрения, будто независимость и демократические перемены начала 1990-х просто «свалились на белорусов с неба». См., например, фильм, снятый агентством новостей «Бела-ПАН»: *Мартынов Д. (режиссер). «Независимость» Беларуси. Подарок с неба*. <http://naviny.by/article/20160825/1472108314-dokumentalnyy-film-nezavisimost-belarusi-podarok-s-neba> (дата обращения 4 февраля 2024). В 2016 году по случаю двадцать пятой годовщины распада СССР журналистка Радио «Свобода» (включено Минюстом РФ в реестр иностранных агентов) Ганна Соусь взяла ряд интервью у свидетелей и непосредственных участников провозглашения независимости Беларуси. Интервьюируемых также спрашивали, хотел ли белорусский народ независимости, провозгласили ли ее случайно и против их воли. См.: Пасля СССР. 25 гадоў незалежнасці. Радыё «Свабода», 2016. В конце 1990-х и начале 2000-х годов, когда А. Лукашенко сделал шаги к интеграции с Российской Федерацией, факт обретения Беларусью независимости оценивался гораздо пессимистичнее. Ср.: *Мірановіч Я. Спробы ажыццяўлення ідэі Беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці ў XX ст. // Гісторыя, культуралогія, мастацтвазнаўства: матэрыялы III міжнароднага кангрэса беларусістаў / Рэд. В. Скалабан і інш. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2001. С. 145. Следует признать, однако, что одним из побочных результатов усилий установившегося политического режима стало укрепление коллективной идентичности белорусов.*

³ Здесь и далее: в скобках приводится оригинальная белорусская версия написания имен. Для родов — современное название.

времени; Алесь Адамович (Алесь Адамовіч, 1927–1994), бескомпромиссный активист антивоенного и антиядерного движения; Лариса Гениуш (Ларыса Геніюш, 1910–1983) — поэтесса, узница сталинского ГУЛАГа и автор уникальных (и все еще малоизученных) неподцензурных воспоминаний; Зенон Позняк (Зянон Пазыняк, р. 1944), историк искусства и радикальный антисоветский мыслитель, выступивший за независимость Беларуси уже в 1974 году. Даже в широком и разнообразном контексте восточно- и центральноевропейского нонконформизма все они представляют собой исключительно интересные примеры для изучения.

В случае с БССР сложно однозначно разделить интеллектуалов на враждебные лагеря конформистов и коллаборантов, «борцов с режимом» и «приспособленцев», функционеров Коммунистической партии и противников партийной монополии, приверженцев русификации и «национально сознательных». Напротив, эти как будто противоположные роли сосуществовали, представляя примеры чуть ли не всех возможных комбинаций внутри узкой группы нонконформистской интеллигенции сравнительно небольшой восточноевропейской нации численностью в десять миллионов человек. Например, Максим Танк, талантливый поэт и активист Коммунистической партии Западной Беларуси (Камуністычная партыя Заходняй Беларусі, КПЗБ), стал партийным функционером высокого ранга; в то же время он придерживался высоких моральных стандартов, поддерживал своих репрессированных коллег, в том числе Ларису Гениуш, поэтессу с последовательно антисоветской позицией. Другой поэт, тоже коммунист и партократ, Нил Гилевич (1931–2016), был одним из самых пламенных защитников белорусского языка в послевоенный период. В 1970-х годах он написал смелую самиздатовскую поэму, где высмеял отношения между государством и интеллигенцией. При этом самиздатовские и тамиздатовские тексты не только призывали к свободе и демократическим переменам, но и могли требовать возврата к ленинским идеям, обвинять русских демократов или демонстрировать антисемитизм.

Нечеткие, не всегда определенные границы между приспособленчеством и сопротивлением могут показаться характерными

именно для белорусской интеллигенции, но и другие страны социалистического блока дают множество подобных примеров¹. Учитывая этот факт, мы можем изучать инакомыслие не как простой набор протестных действий и идей, а как процесс принятия решений и переговоров, встроенный в систему отношений не только между интеллектуалами и властью, но и между разными группами интеллектуалов. К тому же для понимания феномена культурного сопротивления важен и уникальный жизненный опыт, комплекс идей и представлений каждого отдельного интеллектуала.

В этой книге основное внимание уделяется писателям и писательницам, литературоведам, историкам, активистам и активисткам, которые осознавали себя представителями национальной культуры, писали и печатались преимущественно на белорусском языке и воспринимали себя глубоко укорененными в белорусской культуре. Хотя советская национальная политика до некоторой степени стимулировала культурное разнообразие², в конечном счете она подавляла свободное развитие национальных культур, что не могла принять национальная интеллигенция.

В современной истории Восточной Европы национализм описывается как могучая сила, придавшая советским республикам дополнительный импульс в их борьбе за независимость в годы перестройки и сразу после нее. В то же время по-прежнему недооценивается его роль как критического пункта расхождения между интеллигенцией и властями на протяжении всей советской истории. В связи с этим важно отметить, что первоочередное внимание к национальному и реактуализация связей внутри определенного в терминах этничности сообщества уже

¹ Как пишут Т. Бон, Р. Айнакс и М. Абессер в исследованиях последних десятилетий, признание невозможности радикального противопоставления советского «инакомыслия» и «лояльности» стала уже общим местом. См.: *Bohn T. M., Einax R., Abeßer M. From Stalinist Terror to Collective Constraints. «Homo Sovieticus» and the «Soviet People» after Stalin // De-Stalinisation Reconsidered. Persistence and Change in the Soviet Union / Ed. by T. M. Bohn et al. Frankfurt; New York: Campus Verlag, 2014. P. 14.*

² *Slezkine Y. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. Vol. 53. № 2. P. 414–452.*

к середине 1980-х годов сделали требование национальной самореализации политическим¹.

Аналогично недооцениваются возобновившиеся в постсталинское время попытки интеллектуальных элит советских республик восстановить преемственность с досоветской историей. Для радикально нового общества, которое, как декларировала советская идеология, возникало на этом пространстве, эта преемственность казалась ненужной и даже вредной. Однако усилия историков и литераторов протянуть историю своего народа за пределы, очерченные официальной историографией, даже принуждали последнюю к пересмотру этих границ.

«Слово „самиздат“, как и слово „интеллигент“, на другие языки надо переводить с русского», — писал видный литературный критик Лев Аннинский, как будто траектория распространения самиздата началась в русском языке и всегда выстраивалась вокруг него². История русских диссидентов и их издательской деятельности, как бы она ни была важна, на долгое время затмила нонконформизм в других советских республиках. Потому в центре данного исследования — «периферийное» диссидентское движение и родившиеся в советской Беларуси нонконформистские идеи, которым историческая наука до сих пор не уделяла достаточно внимания. Хотя неподцензурная белорусская литература сравнительно невелика количественно, она затрагивает множество тем — от экологической и социальной ситуации в БССР до критики советского антисоциализма³.

В этой работе я показываю, что распространение самиздата и диссидентских идей происходило не только односторонне,

¹ На примере польского и чехословацкого самиздата историк Грегор Файнд доказывает, что национализм играл первостепенную роль для многих восточно- и центральноевропейских интеллектуалов. Его следует считать не силой, враждебной гражданскому обществу, а одним из возможных путей к последнему. См.: *Feindt G. Auf der Suche nach politischer Gemeinschaft. Oppositionelles Denken zur Nation im Ostmitteleuropäischen Samizdat 1976–1992.* Berlin: De Gruyter, 2015. S. 132–139.

² Аннинский Л. Светлая тайнопись чумного барака (Введение) // Самиздат века / Ред. А. Стреляный и др. Минск; Москва: Полифакт, 1997. С. 5.

³ См. таблицы 2, 3 и 4 в Приложении.

от центра к периферии¹. Я хочу выдвинуть на первый план идею «многонаправленности культурных отношений», сформулированную Михой Перри и Ребеккой Фосс². Я намерена проследовать более сложными маршрутами, которые проложили себе неподцензурные идеи на Востоке и Западе, в центре и на периферии, в прошлом и настоящем, в официальной и нелегальной литературе.

Я уделяю основное внимание альтернативным идеям, циркулировавшим в среде белорусской интеллигенции, и задаюсь вопросом: кому они были адресованы и в каком объеме могли транслироваться? Меня интересует, могли ли они влиять на периферийный и консервативный культурный ландшафт советской Беларуси и если да, то каким образом. Помня, что национальная солидарность была одной из главных опор антикоммунистической оппозиции в Восточной и Центральной Европе, я задаюсь вопросом: как и при каких условиях культурное инакомыслие возникло и развилось среди интеллигенции — в ситуации, когда большинство граждан БССР были лояльны советскому режиму?

Другой принципиальный вопрос, на который я ищу ответ в этой работе, связан с происхождением идей, циркулировавших в самиздате. Были ли диссидентские движения в соседних странах и во всем социалистическом блоке нормативными для белорусского инакомыслия? Или, напротив, оно ориентировалось в первую очередь на критику реалий социалистической Беларуси, русификацию и местные проблемы? В 1970 году видный русский литературный критик и самиздатовский автор Григорий Померанц с горечью отметил: «Борьба с местными нелепостями провинциализировала наш дух»³. Было ли влияние

¹ О самиздате как сложной сети, включающей читателей, писателей, производителей, коллекционеров, покровителей и институций, см. в: *Zitzewitz J. von. The Culture of Samizdat. Literature and Underground Networks in the Late Soviet Union.* London: Bloomsbury, 2020; *Wcislik P. Dissident Legacies of Samizdat Social Media Activism. Unlicensed Print Culture in Poland 1976–1990.* Routledge Studies in Modern History. London: Routledge, 2021.

² *Perry M. J., Voß R. Approaching Shared Heroes: Cultural Transfer and Transnational Jewish History // Jewish History.* 2016. № 30. Р. 4.

³ *Померанц Г. Человек ниоткуда // Самиздат века.* С. 100. Впервые опубликовано в: *Грани.* Октябрь 1970. Вып. 77.

этой борьбы еще сильнее на советской периферии, где она сосредотачивалась на «узких» проблемах национального самоопределения и отстранялась от более универсальных вопросов? Каким образом интеллигенция в неподцензурных и официальных публикациях спорила и договаривалась о границах между разрешенным и запрещенным, одобряемым и неодобряемым? И наконец, каким образом интеллигенты (исполняя или не исполняя свою функцию представителей общества или борцов за права непредставленных социальных групп) справлялись с конкретными вызовами письма и мышления внутри социалистической системы?¹

Фредерике Кинд-Ковач и Джесси Лабов обращают внимание на то, что идеи, сложившиеся в подпольной и нонконформистской литературе, не следует изображать как реликты героической эпохи политической оппозиции и протестных движений². Борьба за собственные культурные и политические права могла оборачиваться невниманием к интересам и правам других групп. Действительно, один из самых проблематичных аспектов демократического и национального движения — его отношение к опощряемым, пусть и не всегда на официальном уровне, антисоциализму и антисемитизму.

Чернобыльская катастрофа — еще одна тема, в первые годы перестройки вызвавшая острые дискуссии в среде нонконформистской интеллигенции. Катастрофа произошла в апреле 1986 года, но общество забеспокоилось только с лета 1988-го³. Кое-какая информация доходила до населения из государственных или неподцензурных источников, но по большей части реакция была неадекватна масштабу катастрофы. Согласно позднейшим отчетам, семьдесят процентов от общего количества радиоактивных осадков выпали в Беларуси; до тридцати

¹ Об идее интеллектуального представительства см.: *Said E. W. Representations of the Intellectual. The 1993 Reith Lectures.* New York: Vintage Books, 1994. P. 3–23.

² *Labov J., Kind-Kovács F. Samizdat and Tamizdat: Entangled Phenomena? // Samizdat, Tamizdat, and Beyond: Transnational Media During and After Socialism / Ed. by J. Labov, F. Kind-Kovács.* New York & Oxford: Berghahn Books, 2013. P. 2.

³ *Dalhouski A. Die Belorussische Sozialistische Sowjetrepublik nach Tschernobyl. Schriftliche Protest und materieller Kompromiss // Politik und Gesellschaft nach Tschernobyl. (Ost-)Europäische Perspektiven / Hg. M. Arndt.* Berlin: Ch. Links Verlag, 2016. S. 213–224.

процентов территории республики были в той или иной степени заражены радиацией. В связи с этим я пишу в этой книге о том, как писатель и профессор филологии Алесь Адамович предпринял одну из редких попыток разрушить эту стену молчания.

Хотя история интеллигенции в советской Беларуси имела свои особенности, в ней проявились и более общие тенденции, характерные для всего СССР и стран «народной демократии». Поэтому, рассказывая историю белорусской нонконформистской интеллигенции в позднесоветскую эпоху, я по возможности рассматриваю ее в более широкой перспективе — например, прослеживаю связи с русской и украинской интеллигенцией и с белорусским эмигрантским сообществом. Было бы трудно вовсе проигнорировать политическую изоляцию (а в БССР ее проявления во многом были еще более сильными), однако следует признать, что маршруты культурного взаимодействия были гораздо более сложны и запутанны. Как показывают последние научные работы о периоде холодной войны, железный занавес не просто разделял мир на две непроницаемые части — он также создавал возможности для неожиданных культурных связей, существовавших поверх этой границы и вопреки ей¹. Кинд-Ковач и Лабов в своей работе 2013 года предлагают

интерпретировать систему циркуляции самиздата и тамиздата как нечто большее, нежели простой поток контрабандного материала с Востока на Запад или с Запада на Восток; это была сеть пересылки и распространения, перевода и обратного перевода, усиления и искажения, и наконец, коллекционирования и архивирования...²

¹ *Across the Blocs: Cold War Cultural and Social History* / Eds. P. Major, R. Mitter. London: Frank Cass, 2004; *Popa I. Translation Channels. A Primer on Politicized Literary Transfer // Target*. 2006. Vol. 18. № 2. P. 205–228; *Perforating the Iron Curtain: European Détente, Transatlantic Relations and the Cold War, 1965–1985* / Ed. by P. Villaume, O. A. Wastad. Copenhagen, 2010; *Winter Kept Us Warm: Cold War Interactions Reconsidered* / Ed. by S. Autio-Sarasmi, B. Humphreys. Helsinki: Aleksanteri Cold War Series, 2010; *Behrends C. J., Lindenberger T. Underground Publishing and the Public Sphere: Transnational Perspectives*. Wien: Lit, 2014; *Kind-Kovács F. Written Here, Published There. How Underground Literature Crossed the Iron Curtain*. Budapest: CEU Press, 2014.

² *Labov J, Kind-Kovács F. Samizdat and Tamizdat*. P. 9.

Я также рассматриваю в книге идеологическую борьбу за лояльность интеллигенции, описанную, помимо прочих, Чеславом Милошем и Надеждой Мандельштам¹. В конечном счете, история интеллигенции при советском режиме была по большей части историей конформизма. Коммунистическая партия принуждала интеллигенцию служить себе террором, но также склоняла к сотрудничеству перспективами признания и жизненных благ. Насилие, сопровождавшее установление советской власти в национальных республиках в конце 1920-х и 1930-х годах, повторилось, хотя и с несколько меньшей интенсивностью, на новоприсоединенных территориях (включая части Украины и Беларуси) в 1939–1940-м и в послевоенный период. Белорусские интеллектуалы, зачастую происходившие из неполноправных и бедных крестьянских семей, ценили образование и материальные блага, приобретенные ими при советском режиме. Как соотносились между собой неконформизм и конформизм? Каким образом человек делал шаг наружу из круга конформности? Ведь из множества рассказов и воспоминаний хорошо известно, что неконформизм редко передавался «по наследству», он требовал пройти долгий путь, полный разочарований и размышлений, падений и взлетов².

Белорусская диаспора на Западе, в отличие от украинской и тем более польской и чешской, не играла решающей роли в формировании инакомыслия внутри республики. Хотя статьи и эго-документы эмигрантов и показывают, что в диаспоре существовал устойчивый интерес к событиям в советской Беларуси, благодаря доступности советской периодики в западных библиотеках их знания о ситуации внутри республики были довольно обширными. Важнейшую роль здесь играли Институт изучения СССР (Institut zur Erforschung der UdSSR) в Мюнхене и исследовательский отдел Радио «Свободная Европа» /

¹ *Miłosz Cz. Zniewolony umysł*. Paryż: Instytut Literacki, 1953 [на рус.: Милош Ч. Порабощенный разум. М.; СПб.: Летний сад, 2011. — Прим. пер.]; *Мандельштам Н.* Воспоминания. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1970. С. 51.

² О том, как от искренней увлеченности советским строем переходили к полному несогласию с ним, см.: *Алексеева Л., Голдберг П.* Поколение оттепели. Москва: Захаров, 2006. Из белорусских авторов об этом писал Валентин Тарас (Валянцін Тарас), см.: *Тарас В.* На высце ўспамінаў. Вільня: Інстытут беларусістыкі, 2007.

Радио «Свобода» (RFE/RL)¹, где в разные времена работали такие интеллектуалы-эмигранты, как Янка Запрудник (Янка Запруднік), Антон Адамович (Антон Адамовіч), Владимир Глыбинный (Уладзімір Глыбінны), Павел Урбан (Паўла Урбан) и Станислав Станкевич (Станіслаў Станкевіч)². Но все же сравнительно малое число белорусских эмигрантов, политические разногласия внутри их сообщества и слабый интерес Запада к «беларусским вопросам», остававшийся на низком уровне вплоть до подъема политического движения внутри республики в 1988 году, в целом ограничили их возможность влиять на национальное сопротивление в БССР³.

Было бы ошибкой переоценивать влияние и распространенность инакомыслия и неконформистских дискурсов. Алексей Юрчак утверждает, что с начала перестройки многие интеллектуалы считали необходимым подчеркивать и даже культивировать мифы о собственном инакомыслии⁴. В новых условиях многие постфактум склонны были преувеличивать свой героизм, смелость и влияние своих прежних действий и заявлений⁵.

¹ «Радио Свобода» включено Минюстом РФ в реестр иностранных агентов, Radio Free Europe / Radio Liberty (RFE/RL) признана нежелательной организацией на территории РФ.

² Подробнее см.: *Станкевіч С.* Беларуская падсавецкая літаратура першай палавіны 60-х гадоў. Нью-Ёрк; Мюнхен: БІНІМ, 1967.

³ О роли международных СМИ в поддержке (и, возможно, до некоторой степени даже в формировании) диссидентских кругов в Москве см.: *Metger J.* Writing the Papers: How Western Correspondents Reported the First Dissident Trials in Moscow, 1965–1972 // *Entangled Protest. Transnational Approaches to the History of Dissent in Eastern Europe and the Soviet Union* / Ed. R. Brier. Osnabrück: Fibre Verlag, 2013. P. 87–108.

⁴ *Yurchak A.* Everything Was Forever, Until It Was No More. Princeton: Princeton University Press, 2005. P. 7 [на рус.: *Юрчак А.* Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2021. — *Прим. пер.*].

⁵ Олег Дернович утверждает, что большинство воспоминаний о советском периоде начали появляться в конце 1990-х, когда для интеллигенции стало очевидным возвращение Беларуси к авторитаризму (Неконформізм у Беларусі: 1953–1985 / Ред. А. Дзярновіч. Мінск: Athenaeum, 2004). Говоря о современных интеллектуалах, противостоящих режиму Лукашенко, философ Ольга Шпарага предостерегает от использования общераспространенного термина «диссидент» в белорусских СМИ, так как этот термин задействует модели отношений между интеллектуалами и властями в советском обществе. Подобные анахронистические сравнения на самом деле маргинализуют и принижают

Эта логика сохраняется во многих национальных пантеонах антисоветского сопротивления, в том числе в Беларуси. Кроме того, в связи с тем что сопротивление властям в Беларуси продолжается и сегодня, разновременные истории инакомыслия могут пересекаться или затмевать друг друга.

Особое внимание в книге я уделяю писательскому сообществу и нонконформизму внутри него, что обусловлено особым положением писателя в советском обществе. Благодаря специфической издательской и читательской культуре СССР писатель имел больше доступа к своей аудитории, чем кто-либо еще. Кроме того, в некоторые периоды писатели имели возможность договариваться о границах дозволенного в советской культуре. Также они выступали защитниками «безмолвных», слабо представленных групп населения¹. С точки зрения белорусского советского писателя реально и метафорически непредставленными, лишенными права голоса были и советские колхозники, и простые (бывшие) участники войны, да и белорусский язык и культура в целом.

Вацлав Гавел определил диссидентов как людей, «склонных к интеллектуальным занятиям» или «пишущих»: это «люди, для которых письменное слово есть главный и зачастую единственный политический инструмент, которым они владеют»². Так же и философская мысль на Западе зачастую ставила знак равенства между интеллектуалами и писателями³.

Союзом писателей (Саюз пісьменнікаў) БССР, который был основан 1 июня 1934 года, руководили партийные функционеры. Он зависел от политики центральных властей, однако в постсталинский период стал обладать частичной автономией.

критически настроенных интеллектуалов-нонконформистов. См.: *Шпаraga O.* К наброску интеллектуальной топографии Беларуси / Ред. А. Усманова // Белорусский формат: невидимая реальность. Вильнюс: ЕГУ, 2008. С. 71–86.

¹ В других советских республиках писательское сообщество играло аналогичную роль. См., например, о Литве: *Davoliūte V.* The Sovietization of Lithuania after World War II: Modernization, Transculturation, and the Lettered City // *The Journal of Baltic Studies.* 2016. Vol. 47. № 1. P. 59.

² *Havel V.* The Power of the Powerless // *International Journal of Politics.* 1985. Vol. 15. № 3–4. P. 57.

³ См., например: *Sartre J.-P.* What is Literature? London: Methuen and Co. Ltd, 1950. [Пер.: *Сартр Ж.-П.* Что такое литература? М.: АСТ, 2020. — Прим. пер.]

Его роль была двойственной¹. С одной стороны, Союз ограничивал свободу творческой интеллигенции. С другой — гарантировал писателям привилегированное положение в обществе, обладал некоторым моральным авторитетом и стимулировал творческую продуктивность. Еще в 1988 году писатель и критик Владимир Колесник (Уладзімір Калеснік, 1922–1994) указал на эту амбивалентность:

Мне нравится наша литературная среда, потому что всегда, насколько я помню, в ней была внутренняя свобода, иногда смелость, в худшем случае юмор, чтобы, даже допуская компромиссы, понимать, что это дело паскудное².

Союз был местом, где случались острые дискуссии, а его члены иногда проявляли определенную солидарность. Неслучайно негосударственный Союз белорусских писателей (Саюз беларускіх пісьменнікаў) независимой Беларуси считает себя преемником Союза писателей БССР³.

¹ Примером является история с русским писателем Александром Солженицыным. В своем знаменитом письме к IV Всесоюзному съезду Союза писателей от 16 мая 1967 года Солженицын писал, что руководство Союза было «первым среди гонителей» Анны Ахматовой, Андрея Платонова и Василия Гроссмана. За это в 1969 году его исключили из Союза писателей. См.: *Солженицын А.* Письмо IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей // Антология самиздата / Ред. В. Игрунов, М. Барбакадзе. <http://antology.igrunov.ru/authors/solzh/letter-to-wrighters.html> (дата обращения 28 августа 2023). С другой стороны, Солженицын все-таки получил некоторую поддержку от писательского сообщества, хотя она не положила конец его гонениям. См, например: *Владимов Г. В.* Президиум V Всесоюзного съезда советских писателей [26 мая 1967 года] // Антология самиздата. http://antology.igrunov.ru/authors/vladimov/to_presidium.html (дата обращения 28 августа 2023). О солидарности и «международной дружбе» в среде советских писателей см. также в: *Бураўкін Г.* Як многа ў гэтым гуку // Скарыніч. 2011. № 10. С. 122–124.

² «Мне падабаецца наша літаратурнае асяроддзе, бо ў ім ва ўсе часы, як я памятаю, хапала ўнутранай свабоды, часам смеласці, на горшы ж канец гумару, каб, дапускаючы кампрамісы, ведаць, што гэта паскудная справа» (*Калеснік У.* Тут можна жыць. Казусы правінцыі // Калеснік У. Усё чалавечае. Літаратурныя партрэты, артыкулы, нарысы. Мінск: Мастацкая літаратура, 1993. С. 343).

³ Гісторыя грамадскага аб'яднання Саюз беларускіх пісьменнікаў. <https://lit-bel.org/history> (дата обращения 28 августа 2023). На протяжении тридцати лет с момента провозглашения независимости Беларуси Союз функционировал как добровольная общественная негосударственная организация писателей,